

ПРЕДИСЛОВИЕ

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ 17 НОЯБРЯ»

Вечером 17 ноября 1973 года греческие студенты устроили восстание в Афинском политехническом университете против длившейся уже семь лет военной диктатуры полковника Пападопулоса, которого они считали ставленником ЦРУ. Вмешался ОМОН. В ворота кампуса ворвались армейские танки. Тридцать четыре студента были убиты, 800 получили ранения.

Два года спустя в ходе теракта был убит начальник штаб-квартиры ЦРУ в Афинах Ричард Уэлч в присутствии своей жены и водителя. Террористы назвали себя «Революционной организацией 17 ноября» и получили известность как 17N. Это убийство стало их первой акцией возмездия за бойню 17 ноября.

В течение двадцати восьми лет своего активного существования, с 1975 по 2003 год, 17N совершила более шестидесяти покушений на убийства европейцев и американцев, включая убийство британского военного атташе в Афинах в июне 2000 года. В отличие от немецкой «Фракции Красной армии» (RAF), итальянских «Красных бригад» (BR) и французского

«Прямого действия» (AD), ни один участник 17N не был выявлен или задержан до масштабной операции по ее ликвидации в 2002 году. Агентство Госдепартамента США по борьбе с терроризмом включило 17N в список самых опасных городских террористических организаций в мире.

17N, названная когда-то последней в Европе леворадикальной террористической организацией, существует до настоящего времени.

МОДЖАХЕДИН-Э ХАЛК («Моджахеды иранского народа»)

4 ноября 1979 года группа иранских студентов-марксистов из организации «Моджахедин-э халк», возражавших против политики США в Иране, в особенности против поддержки свергнутого шаха Пехлеви со стороны ЦРУ, захватила американское посольство в Тегеране. Их заложниками оказались шестьдесят три американских дипломата и еще три человека.

Поначалу «Моджахедин-э халк» (МЕК), насчитывавшая несколько сотен тысяч последователей, получила поддержку послереволюционного иранского правительства. Но моджахеды были недовольны теократией аятоллы Хомейни. Они требовали установления светской демократии на основах марксизма, которая бы гарантировала равноправие мужчин и женщин. Как следствие, большинство из них, включая лидеров, оказались схвачены силами «Стражей иранской революции» и после пыток были казнены. Те немногие, кому удалось ускользнуть, ушли

в подполье. В 1993 году лидером МЕК была избрана Мирьям Раждави. Она помогла создать воинское подразделение, состоявшее в основном из женщин.

МЕК присоединилась к Саддаму Хусейну в войне против Ирана. После войны моджахеды помогли брату Хусейна, известному как Химический Али, отравить газом несколько тысяч курдов и так называемых болотных арабов. В качестве награды Саддам Хусейн выделил им убежище вблизи ирако-иранской границы под названием Ашраф, что значит «благородные». В настоящее время их численность сократилась до 3800 человек, по большей части это ополченцы под предводительством женщин.

Когда Мирьям Раждави была изгнана во Францию, несколько ее преданных последовательниц совершили в знак протеста ритуальное самоубийство.

Госдепартамент США причислил МЕК к террористическим организациям вследствие их противодействия интересам Америки. Однако Пентагон (намереваясь использовать моджахедов в качестве шпионов и повстанцев в случае возможной войны против Ирана) потребовал, заручившись поддержкой нескольких сенаторов, чтобы МЕК была исключена из списка террористических организаций. МЕК существует до настоящего времени.

В романе «Хроники лечебницы» две эти террористические организации объединяются для совершения чудовищного теракта против Америки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Афины, Греция

Рэйвен Слэйд открыла глаза и моргнула на свет, струившийся из зарешеченного окошка под потолком. Она соскочила с койки и скатала матрас. Положив его к стене, она встала на него и увидела внешний мир. На фоне закатного неба вырисовывались Акрополь и Парфенон. Она слезла с матраса и уселась на нем, скрестив ноги. В какой психушке она на этот раз?

«...ихоз, типа того. По-моему, мы уже не в Огайо...»

Она уже давно не слышала этого тонкого голоса у себя в голове. Лучше не обращать внимания.

Она взглянула на бинты у себя на запястьях и осторожно оттянула правый. Засунув ноготь под шрам, она скovyрнула корку. Да, болячка была настоящей. А значит, *она сама* была настоящей. Она прислонилась спиной к стене, обитой войлоком, и прислушалась к голосу сестры у себя в голове. Ничего. Она ощупала свою грудь, талию, бедра, ноги. Она снова была собой. Это радовало.

Раздался женский голос из смотровой щели:

— Рэйвен, я вхожу. Я должна с тобой поговорить.

Щель закрылась, и открылась дверь. Вошла медсестра Фэй Сойер.

Рэйвен подняла взгляд на привлекательную женщину средних лет со смуглым лицом, темными глазами и черными волосами, уложенными в косу на макушке.

— Я пришла выпустить тебя, Рэйвен.

— Отец что, снял суицидальный надзор?

— Санитар доложил, ты контактна уже три дня.

— Так я снова могу быть волонтером?

— С тобой хотеть говорить мистер Ясон Тедеску, новый пациент. Сказал, ты была его лучший студентка по актерское мастерство в Уэйбриджский университет.

— Конечно, я поговорю с ним.

— Сначала помыться и одеться.

Сойер проследила, как она принимает душ, а потом помогла ей одеться и перебинтовала запястья. Увидев свою форму в красно-белую полоску, Рэйвен улыбнулась.

— Я думаю о Рождестве, когда ношу ее.

— Тебя видеть и улыбаться раненые солдаты и больные. Ты всегда в центре внимания. Прежде чем идти к мистер Тедеску, я уложу тебе волосы для приличный вид.

Сойер расчесывала ее с силой, так что кожа головы болела. С тех пор как мать покончила с собой, ее больше никто так не расчесывал. Она закрыла глаза. Почувствовав, как медсестра убрала расческу, она прошептала:

— Продолжай.

— Ты красотка, Рэйвен.

Девушка открыла глаза и увидела светлые волосы у себя на юбке.

— Ты волосы мне вырвала, сука!

— Не очень много. Порядок.

Рэйвен сжала правую руку в кулак и вскинула в сторону медсестры, но та перехватила ее и завела за спину.

— Управляй собой, Рэйвен, или я пишу в твой журнал, что ты опять говоришь с мертвой сестрой.

— Нет! Не хочу, чтобы отец опять меня запер.

— Будешь тихой?

— Обещаю.

— Ты все время обещаешь. Покажи руки.

Рэйвен разжала пальцы и выставила перед собой кисти.

— Видишь?

— Хорошо. Идем в лазарет.

Она вышла за Соьер в коридор и остановилась.

— В чем дело, Рэйвен?

— Я передумала.

— Ты должна видеть мистера Тедеску.

— Я ничего не *должна*.

Фэй достала из кармана зажигалку и, чиркнув несколько раз, зажгла.

— Убери!

— Так, это ты. Не та, другая. Делай, что говорят.

— Окей. Только убери огонь.

Соьер захлопнула зажигалку и убрала в карман.

— Давай, порадуй мистера Тедеску.

На первой койке лежал молодой человек в кислородной маске. Он помахал ей:

— Я скучал по тебе, Рэйвен.

Она похлопала его по руке.

– Поправляйся.

Проходя между коек и инвалидных кресел, девушка махала пациентам. Она была королевой, обходившей свои войска. Мужчины, которые не спали, посылали ей воздушные поцелуи.

Из дальнего конца кто-то прокричал:

– Эй, на каталке, заткнись и дай нам поспать!

Кто-то еще отозвался:

– Черт возьми, ты здесь не один!

Из-за приоткрытой шторы в конце палаты Рэйвен слышала пафосную лекцию своего бывшего преподавателя актерского мастерства.

– Помните, студенты, это антивоенная комедия Аристофана. Имя героини, Лисистрата, означает «распускающая армии». Она прекратила войну между Афинами и Спартой, заставив женщин, изнемогавших без любви, воздержаться от секса со своими мужчинами.

Рэйвен вспомнила последнюю роль, к которой готовилась. Отодвинув штору, она произнесла заученный текст:

Так стойкой будь! Поджарь и подрумянь его!

Дразни его, люби и не люби его!

Но помни то, о чем клялась над чашею¹.

Маленький пузатый мистер Тедеску развернулся в инвалидном кресле.

– Рэйвен?

Медсестра Сойер подтолкнула ее к нему.

– К вам пожаловала Рэйвен Слэйд, как вы просил, профессор Тедеску.

¹ Пер. А.И. Пиотровского.

— Не профессор! Меня так и не... назначили профессором. А где мои товарищи из 17N?

— Они еще не приехали, мистер Тедеску, но волонтер Рэйвен готова порадовать вас.

Его злобный взгляд смягчился.

— Моя любимая студентка по актерскому мастерству запоминала роли быстрее и исполняла выразительнее, чем кто-либо из учеников. Я должен спросить кое-что у тебя, — он нахмурился. — Уйди-те, — обратился он к медсестре. — Это между мной и моей протеже.

Сойер вышла за штору, но Рэйвен различала ее тень с обратной стороны.

— Подойди ближе, Рэйвен, — сказал Тедеску.

Она наклонилась к его влажно блестящему лицу, стараясь не кривиться от резкого запаха пота.

— Ты помнишь нашу последнюю беседу после репетиции у меня в кабинете, перед твоим срывом?

Разве могла она забыть такое?

В тот день, сидя рядом с ним за столом, она почувствовала, как жирные пальцы старого греховодника скользят по юбке. Хорошо, что она скрестила ноги. Так сделала бы Лисистрата. Тогда он встал и пошел в туалет.

Она заметила на столе стопку бумаг, озаглавленную «Операция «Зубы дракона». Заметки для новой пьесы? Она пробежала текст. Три рифмованных катрена, наподобие пророчеств Нострадамуса. Она уже клала их на место, когда возник Тедеску, вытирая руки, и увидел ее.

— Как ты смеешь читать мои бумаги?

– Извините, мистер Тедеску. Я думала, это для новой пьесы.

Он замахнулся кулаком. Она вскочила с места, и он стал гоняться за ней вокруг стола.

– Не бейте меня.

Раздался стук в дверь, и в проеме возникла голова студента.

– Извините, что опоздал.

Она отпихнула Тедеску и выбежала из кабинета.

Это была их последняя встреча.

– Мистер Тедеску, разве я могу забыть такое?

Она увидела, как он взглянул на силуэт Фэй за шторой.

– Уходите, сестра! Это личное дело!

Туфли сестры Сойер заскрипели по полу.

– Ты всегда потрясающе запоминала роли. Ты помнишь, что было на тех листах?

«...рэйвен, твой паршивый препод просит тебя сыграть сцену из его трехактной пьесы про драконьи зубы...»

Она проигнорировала голос у себя в голове и произнесла вслух то, что запомнила:

– Я поняла, что это какие-то образы и отсылки из ваших лекций, но мне они мало о чем говорят.

– Это пророчества, они только для моих товарищей из 17N и МЕК.

«...какие еще, нафиг, 17 эн и мек?..»

Назойливый голосок у нее в голове не дал ей слышать, что еще сказал Тедеску, но он вдруг метнулся к ней с кресла и, вцепившись в горло обеими руками, стал душить.

– Ты не можешь жить, сука.

Она пыталась вырваться, но тщетно. Его пальцы все крепче сжимали ей шею.

Штора отодвинулась, и ворвалась Сойер. Она ударила Тедеску по лицу, и он ослабил хватку. После второго удара он отключился.

— Боже, вы вовремя. Он пытался убить меня.

Фэй проверила его пульс и позвала проходившего мимо санитаря.

— Этот пациент потерял сознание. Когда очнется, держать в изоляторе. Абсолютно никаких посещений.

Когда они вышли из лазарета, медсестра спросила:

— Рэйвен, что ты ему говоришь, чтобы он напал на тебя?

Рэйвен была готова произнести три катрена, но вспомнила слова Тедеску о том, что они только для 17N и МЕК.

— Ничего. Он просто психанул.

Сойер вывернула ей запястье и сказала:

— Я слышала что-то про 17 ноября и Моджахедин-э халк.

— Моджа-дино-как?

— Говори, или я пишу в твой журнал, у тебя галлюцинация, и ты говоришь с твоей мертвая сестра. Отец тебя запереть опять.

Рэйвен вырвалась.

— Пиши, блин, что хочешь.

— Что здесь происходит?

Девушка замерла, услышав голос отца.

— Она спасла мне жизнь. Мистер Тедеску соби-рался убить меня. Но теперь она говорит, что напишет, что я все еще сумасшедшая.

Он повернулся к медсестре.

— Я разберусь. Вы можете вернуться на сестринский пост в военном отделении.

Союер замялась и ушла с недовольным видом.

— Ты в порядке, Рэйвен?

— Перед тем как мистер Тедеску напал на меня, он спросил, помню ли я что-то из того, что прочитала в бумагах у него в кабинете. Я думала, это заметки для пьесы. Но он сказал, это его пророчества, и потребовал, чтобы я произнесла их. А после этого сказал, что должен меня убить, потому что планы операции «Зубы дракона» могут знать только его товарищи из 17N и МЕК.

Отец схватил ее за руку.

— Быстро идем со мной!

— О чем он говорил, пап? Что еще за МЕК?

Отец ворвался с ней в свой кабинет и запер дверь.

— Некогда объяснять, Рэйвен.

— Он заставил меня произнести эти три станса, чтобы увидеть, помню ли я их. Там было так...

— Не говори мне, Рэйвен.

— Почему?

— Если меня поймают и станут допрашивать, я могу не выдержать пыток.

— Ты меня пугаешь.

— Извини, но придется действовать быстро. Тысячи жизней могут быть под угрозой. Слушай мой голос. Ты уже слышала, как я даю тебе эту команду: «Рэйвен, насест¹».

«...он тебя гипнотизирует, рэйвен-ворон, не слушай...»

¹ Raven — ворон (англ.).

Она услышала опасливый голос сестры, но глаза закрылись сами собой.

— Повторяй мою команду, Рэйвен.

Она прошептала:

— Рэйвен, насест.

И обмякла. Она почувствовала его руку у себя на лбу.

— Рэйвен, ты сейчас заснешь, как засыпала уже много раз. Глубоким сном. Ты видишь плакучие ивы. Слышишь сладкий запах роз в саду. Чувствуешь, как ветер гладит тебя по лицу. Смотришь на желтых и оранжевых бабочек. Игнорируй внутренний голос близняшки, завидующей, что это ты родилась живой. А теперь спи. Глубоким сном, пока я не скажу тебе проснуться.

«...осторожно, рэйвен-ворон, раньше он всегда объяснял, почему гипнотизирует тебя, не поддавайся...»

Слишком поздно. Она уже была в саду, лежала на траве. Голос отца отдавался эхом в тишине.

— Ты не будешь помнить пророчества Ясона Тедеску. Они останутся скрытыми в твоём подсознании, оберегаемые твоим страхом огня и страхом высоты твоей сестры. Только когда ты услышишь «17N побеждены, МЕК побеждены», сможешь вспомнить пророчества и рассказать их ЦРУ или ФБР. А теперь повтори слова о 17N и МЕК, которые разблокируют пророчества.

— 17N побеждены, МЕК побеждены.

— Я сосчитаю до пяти и скажу: «Рэйвен, лети».

И ты проснешься. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Рэйвен, лети.

Она открыла глаза.

— Рэйвен, что ты помнишь?

— Я одеваюсь после того, как медсестра Сойер расчесала мне волосы.

— Отлично. А теперь идем со мной в общую комнату и раздадим солдатам печенья и сок.

Не в силах унять дрожь, она вышла с ним из его кабинета.

— Помни, Рэйвен, это хорошая терапия — для них и для тебя, — чтобы раненые американские и греческие солдаты делились ужасами, пережитыми на войне.

Он мягко подтолкнул ее в общую комнату.

— Только не флиртуй.

Девушка остановилась в дверях. Мужчины — некоторые с ногами и руками в гипсе — поворачивались к ней в креслах-каталках и улыбались. Другие, игравшие в домино, поднимали взгляды на нее и приветствовали ее.

Она увидела сестринский пост за стеклянной перегородкой и бдительную сестру Сойер.

Рэйвен вошла скользящей походкой в общую комнату. Разве это сцена или съемочная площадка? Проходя между пациентами, она чувствовала, как они хотят прикоснуться к ней. У большинства был диагноз «военный невроз». Или «боевое истощение»? Как это теперь называется? Ах, да. «Посттравматическое стрессовое расстройство». Судя по их взглядам, устремленным на нее, у них было чертовски неслабое расстройство.

Сойер как-то раз сказала, что им лучше делиться воспоминаниями о войне в Персидском заливе с девушкой-волонтером, чем с директором клиники или даже с «психической» медсестрой. Но после разговоров с солдатами Фэй всегда допрашивала ее.

Рэйвен помахала солдатам. Кто-то послал ей воздушный поцелуй. А греческий капрал наяривал кулаком у себя между ног. Она отвела взгляд.

Она увидела одного солдата в кресле-каталке, спиной к сестринскому посту, с забинтованным лицом и левой рукой на перевязи. Должно быть, новенький. Он помахал ей здоровой рукой.

Девушка подошла к нему и погладила по лбу.

— Как дела?

Он ответил чувственным шепотом с легким греческим акцентом:

— Уже лучше, когда твои мягкие пальцы касаются моего лба.

— Ты отлично говоришь по-английски.

— Я был студентом по обмену в Америке.

— Как тебя зовут?

— Зорба.

Она рассмеялась.

— Грек Зорба? Ты прикалываешься?¹

— Я бы хотел.

Она подмигнула ему.

— Я буду тебя звать «человек в марлевой маске».

Она оглянулась в поисках своего любимого санитаря. За столиком у окна сдавал карты молодой Платон Элиаде. Она знала, что он играет с американскими солдатами на спички, но потом меняет их на деньги. Она направилась к ним.

Внезапно что-то громыхнуло, словно выхлопная труба. Платон вскочил на ноги, перевернув стол.

— Очистить общую комнату! Все по палатам!

¹ «Грек Зорба» (1946) — роман Никоса Казандакиса (1883—1957).

Он вытащил из-под халата автомат и направился в коридор.

«...рэйвен, почему у санитаря в этом дурдоме автомат?..»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Двери распахнулись. Задрожало стекло. Ворвались четверо мужчин в черных лыжных масках, отчаянно ругаясь. Один из них, страдавший избыточным весом, расстрелял нескольких американских пациентов.

Рэйвен замерла. Этого не может быть. Наверное, очередной кошмар. Но, увидев, как по белому халату Платона расползается красное пятно, она метнулась, ища защиты, к греческому солдату с забинтованным лицом.

Он высвободил руку из перевязи и приобнял ее.

— Держись за меня, красавица. Тебя никто не обидит.

Толстяк с автоматом бросил ему лыжную маску. Зорба отвернулся, сорвал бинты и, натянув маску, блеснул сквозь прорези темными глазами.

Он указал на Соьер, которая уставилась на него с сестринского поста.

— Она видела мое лицо! Займись ею!

Однорукий и другой, с зубочисткой, торчавшей сквозь маску, выбежали в коридор. Третий, с костылем, подскочил к Зорбе и протянул ему автомат. Рэйвен вылупилась на него:

— Зорба, так ты с ними!

— Веди меня в кабинет директора клиники.

— Зачем?

— Мне надо к твоему отцу. Он информатор ЦРУ.

Она закричала:

— Ты спятил!

Он наставил ствол на нее.

— Молчи, если хочешь жить! Веди меня к доктору Слэйду.

Она повела его по коридорам, подальше от кабинета отца. Проходя мимо изолятора, она услышала стоны пациентов. Медбрат выкатил в коридор человека в кресле-каталке, потом замер и бросился наутек. Человек вскочил с каталки, опрокинув ее, и побежал в их сторону.

Это был мистер Тедеску. Он вытянул руки, готовый сграбастать ее.

— Умри, Рэйвен! Ты должна умереть!

— Отвали, старик, — сказал Зорба. — Не мешай.

Но Тедеску продолжал бежать к ним. Зорба выстрелил дважды. Больничный халат покраснел, брызнула кровь. Тедеску повалился на пол.

Из-за угла показался бандит с костылем и подковылял к нему.

— Дебил! — пробасил он. — Это же *он*! Он звонить из больницы, чтобы встретить его здесь.

Зорба нагнулся и всмотрелся в лицо старика.

— Я не знал. Я никогда не видел Тедеску. Что он делает в афинской психушке?

— Он говорить, потому что девка помнит план, он должен убить ее.

Умирающий Тедеску пробулькал что-то. Бандит с костылем склонился над ним.

— Ясон, прости, мой сын-идиот ошибся. Что ты хочешь, чтобы мы сделали?

— Операцию «Зубы дракона». Начинайте без меня.

— У нас нет плана.

Тедеску указал на нее:

— Рэйвен знает.

После этих слов глаза его закатились, а голова свесилась набок.

Бандит, назвавшийся Зорбой, посмотрел на Рэйвен.

— Что это значит? Что ты знаешь?

«...думай быстро, рэйвен...»

— Наверно, он хотел сказать: я *его* знаю. В колледже он был моим преподавом по актерскому мастерству в клубе греческого театра. Я не ожидала встретить его здесь.

Он встряхнул ее и сказал:

— Веди меня к доктору Слэйду.

— Не поведу.

— Я тебя тоже убью, а потом все равно найду его.

Он приставил к ее голове горячее дуло автомата. Оно жгло ей кожу.

— Хочешь умереть ни за что?

— Да мне плевать.

— Если будешь со мной, оставлю жить.

Она замялась. Перевела взгляд на тело Тедеску на полу. Затем кивнула. Она привела его к кабинету с табличкой «Директор по лечебной работе». Зорба подергал ручку закрытой двери. Выстрелил в замочную скважину и распахнул дверь ногой.

Рэйвен увидела отца, стоявшего за своим столом, с пистолетом в одной руке и телефоном в другой.

— Рэйвен знает, — выкрикнул он в трубку, — о плане Тедеску насчет теракта в Штатах, но тут пришли его товарищи...

— Положь трубку и опусти пушку, доктор Слэйд, или убью твою дочь.

— Она ничего не знает.

— Но ты знаешь. Говори нам или смотри, как она умрет.

Ее отец, продолжая держать трубку у левого уха, взглянул на бандита, а затем на нее.

— Прости меня, Рэйвен.

Он выстрелил себе в голову. Телефон, забрызганный кровью, упал на пол. Отец повалился на стол.

— Нет, папа, нет! — прокричала она.

Она метнулась прочь, но Зорба удержал ее.

— Слишком поздно. Он оставил тебя одну — разбирайся сама.

В кабинет ворвались двое других бандитов в масках.

— Ты в порядке, Алексей? — прокричал толстый.

Другой, с зубочисткой, пихнул толстого в плечо.

— Без имен!

«... так его зовут не зорба, а алексий...»

— Неважно, — сказал однорукий. — 17N не оставляет свидетелей.

— Девку тоже застрели, — выкрикнул толстый.

— Нет, — сказал человек с костылем. — Может, Тедеску хотел сказать перед смертью, она знает пророчества. Бери ее с нами.

Тот, кого звали Алексей, повернулся к толстому.

— Ты остановил медсестру?

Тот, что жевал зубочистку, покачал головой.

— Она убежала из задний дверь, пока мы не хватали ее. Ее машина стояла в аллея. Она ехала быстро.

— Что нам делать с ней? — сказал однорукий.

— Используй ее как щит, — сказал человек с костылем, — пока мы не понимать, что она знать про операция «Зубы дракона». Потом убей ее, как хотел Тедеску. Сын, оставь наше послание!

Алексий подошел к столу и скомкал лист бумаги. Он обмакнул его в кровь отца Рэйвен и вывел им, как кистью, на стене: «Смерть Врагам Народа». И поставил размашистую подпись: «17N».

Что говорил отец насчет 17N и МЕК? Что означают эти названия?

Алексий потащил ее за собой по коридору, за угол, вниз по лестницам, на выход и к черной машине. Человек с зубочисткой скользнул за руль.

— Зачем ты ведешь девку?

— Узнать, что она знает о пророчествах Тедеску.

Человек с костылем указал на багажник.

— Запри ее там.

— Нет места, отец, — сказал Алексий. — Полно оружия.

Он завязал ей глаза и впихнул на заднее сиденье. Она почувствовала рядом толстого. Затем забрался Алексий, зажав ее между ними.

Машина вильнула и стала набирать скорость.

Рэйвен закрыла глаза и стала дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Помоги, сестренка. Нет ответа. Где же ты, когда нужна мне?

— Давай кружным путем, на хату, — прокричал Алексий водителю.

Она почувствовала, как машина повернула, накренилась, снова повернула.

— За нами минивэн, — сказал водитель.

— Давай через переулок.

— Отвязался.

Она почувствовала, как машина сбила мусорные баки. А затем остановилась. Человек с костылем, которого Алексей звал отцом, вытащил ее из машины.

— Хочешь жить, не упирайся.

Он проверил повязку на ее глазах. Она услышала, как хлопнула дверь машины, звук мотора и почувствовала выхлопные газы.

Ее втащили на тротуар. И в здание. Она насчитала, что костыль отшагал двадцать семь ступенек. Услышала, как ключ повернулся в замке. Дверь со скрипом открылась, затем закрылась за ними. Ее потащили по ковру к другой двери и попытались втолкнуть. Она вывернулась. И получила под дых. Упала на спину и услышала, как захлопнули дверь.

Что-то касалось ее. Одежда на вешалках. Шкаф. Негде шевельнуться. Она стащила повязку с лица. Никаких окон. Темно. Душно. Нечем дышать. Мысли разбегались. Накатывала паника. Главное, не отключиться. Держись.

— Я тут не могу! — прокричала она.

Кулак ударил по закрытой двери.

— Сиди тихо.

— Ты ублюдок!

— Следи за словами, ты говоришь с греческим патриотом.

«Сестренка, — подумала она, — ты нужна мне».

«...дыши медленно, рэйвен. один вдох. еще один. вдох и выдох, как папа учил. сохраняй спокойствие. они не мо-

гут держать тебя здесь вечно. играй по их правилам, пока не узнаешь, что они планируют делать, ты умеешь заставить мужчин сделать, что ты хочешь...»

Она услышала, как открылась и закрылась внешняя дверь.

— Василий думает, за нами был хвост, — сказал Алексей.

Скрип костыля.

— Тогда лучше убить ее сейчас.

— Сперва я поработаю над ней, чтобы узнать, что она знает.

— Не возражай мне, Алексей. Почему ты думаешь, что можешь управлять ей?

— Помнишь, как в Америке наследница Патти Херст сошлась с похитителями?

— Ты про стокгольмский синдром? Думаешь, сумеешь заставить ее влюбиться в тебя?

— Стоит попытаться.

— А если не сумеешь, Алексей?

— Тогда избавлюсь от нее, как собирался Тедеску.

— Если бы только Тедеску прожил подольше, чтобы передать нам план.

Рэйвен стукнула в закрытую дверь.

— Выпустите меня!

— Не обращай внимания. Сосредоточься на взрыве в Пирее.

— Меня это по-прежнему тревожит, отец. В терминале точно будут женщины и дети.

— Побочные последствия — на войне как на войне. Ну, ступай.

Послышались шаги. Открылась внешняя дверь. Затем закрылась. Кто из них остался? Она подергала ручку. Пихнула закрытую дверь.

– Выпустите!

Нет ответа.

Ей стало трудно дышать, и она улеглась на одежду. Затем послышался стук костыля – ближе и ближе.

Сестренка, что, если он захочет меня изнасиловать?

«...я дам ему по яйцам за тебя...»

А если он станет пытаться меня?

«...боль всегда дает тебе ощущение реальности. худшее, что он может, это убить тебя и избавиться от проблем. сколько раз ты пыталась покончить с собой, как мама, и все без толку. так пусть он это сделает за тебя. тогда мы снова будем вместе, неразлучно...»

Звук ключа в дверном замке. Слепящий свет из-за скрипучей двери. Ее схватили за ногу.

«...лети, сестрица-ворон, лети...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Цинциннати, Огайо

В отделении анализа разведанных ФБР оперативного отдела Цинциннати прозвучал сигнал. Фрэнк Дуган отложил чизбургер и повернулся от стола к консоли. Он включил закрытую связь и прочитал на мониторе сообщение:

ОТ: *Защищенный узел Интерпола Афин*

КОМУ: *Всем международным оперативным отделам*

ТЕМА: *Террористы 17 ноября*

Изображение сфокусировалось на беловолосом мужчине с густыми усами, надевающим черную повязку на правый глаз. На стене за ним виднелись надписи:

ГРЕЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА
МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ ГРЕЦИИ
ОТДЕЛ ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ С ИНТЕРПОЛОМ

Раскатистый голос произнес:

— Это капитан Гектор Элиаде, глава афинской оперативной группы полиции Греции по борьбе с терроризмом. Два дня назад неуловимая леворадикальная группировка «17 ноября» совершила налет на афинскую психиатрическую лечебницу. Убиты двое американцев, один ранен. Директор по лечебной работе, Роджер Слэйд, покончил с собой. Его дочь, Рэйвен Слэйд, пациентка этого учреждения, похищена нападавшими. Одним из убитых оказался Ясон Тедеску, который содержался в изоляторе, преподаватель античной культуры из Уэйбриджского университета в Огайо. Наша оперативная группа по терроризму получила разведанные о том, что во время эмиграции в Америке он создавал террористические ячейки среди местного населения. Свежая наводка указывает, что Тедеску пытался образовать альянс между 17N и некой террористической группой с Ближнего Востока. Для совместного удара по целям в Соединенных Штатах. Кодовое название операции «Зубы дракона». Другие пациенты в афинской лечебнице слышали, что Тедеску говорил с Рэйвен Слэйд, а затем напал на нее. Послед-

нее, что он сказал своим убийцам: «Рэйвен знает». Задача номер один: заполнить заложницу для собственного расследования. Мы должны узнать, что знает Рэйвен Слэйд о планах предполагаемой атаки до того, как 17N вытянут из нее все под пыткой. Если это окажется невозможным, она должна будет замолчать, чтобы террористы не смогли ничего узнать от нее.

Экран погас.

Дуган всмотрелся в карту мира на стене над консолью. Когда он только перевелся из Нью-Йорка в Цинциннати, он обвел балканский регион, порученный ему, желтым маркером. Теперь же он протянул руку и, вынув красную булавку из столицы Словении, Любляны, переместил ее на Грецию и воткнул в Афины.

Зажужжал его интерком. Заместитель директора, Мэйсон, хотел знать, получил ли он сообщение из Интерпола.

— Получил.

— Быстро в мой кабинет.

Не прошло и минуты, как он вышел из лифта на шикарный синий ковер и постучал в дверь Мэйсона.

— Входи!

Он приоткрыл дверь и увидел начальника с его седой шевелюрой, зачесанной, как всегда, в духе Элвиса. Мэйсон сидел, сцепив кулаки на большом столе красного дерева.

— Что ты думаешь, Дуган?

— Капитан Элиаде предполагает, что если греческая полиция сумеет спасти Рэйвен Слэйд, из нее по-

стараятся вытянуть все, что можно. Она ведь американка за пределами Штатов. Это дело ЦРУ.

Мэйсон кивнул, и его седой кок свесился со лба. Он пригладил его назад.

— Учитывая, что полицейские атташе ФБР могут теперь расследовать преступления против американцев в любой точке мира, это становится таким же нашим делом, как и ЦРУ.

— Значит, мы включаемся в похищение Рэйвен Слэйд боевиками 17N?

— Несомненно. Более того, ты специалист по Балканам. Расскажи мне о 17N.

— Это греческая леворадикальная террористическая группировка. До нападения на афинскую лечебницу они совершили более шестидесяти терактов против европейцев, турок и американцев.

— Чем они отличаются от других европейских террористов?

— Много чем. За двадцать восемь лет их существования ни один из террористов первого или второго поколения 17N не был задержан или хотя бы выявлен.

— Значит, теперь они пожилые люди. Как же их до сих пор не поймали?

— Они обычные доктора, профессора, механики, скульпторы, простые граждане. Но, неведомо для остальных, они продолжают мстить за своих убитых и раненых товарищей, совершая изощренно спланированные теракты.

— Я слышу уважение в твоём голосе?

Он пожал плечами.

— Когда студенты афинского университета Техникон устроили демонстрацию против жестокого ре-

жима полковника Георгиоса Пападопулоса, полиция и военные жестоко расправились с ними 17 ноября 1973 года.

— Так откуда агрессия к нам?

— Как я сказал, они леворадикалы. Во время противостояния коммунистов тиранической монархии короля Константина многие считали, что за поражением левого крыла стоит ЦРУ. Такой внезапный поворот привел к власти Пападопулоса. Студенты — теперь уже пожилые люди, как вы заметили, — так и не простили этого американцам, европейцам и современному греческому правительству. Отсюда эта подпольная живучесть двух поколений 17N.

Мэйсон хрустнул костяшками и сказал:

— Это коммюнике о возможном слиянии 17N с исламистами-фундаменталистами для очередного большого удара по нам всполошило Вашингтон. Звонил директор. Он хочет, чтобы ты вернулся в нью-йоркский оперативный отдел для переговоров с их ведущим аналитиком по Ближнему Востоку.

Он почувствовал, как у него задрожали поджилки. Он сжал колени руками, чтобы унять дрожь.

— Назад в Нью-Йорк?

— Извини, Дуган. Я знаю, ты просил о переводе из Манхэттена после одиннадцатого сентября. Но это всего на день или два.

— Почему я?

— Балканы — твой конек. Ты жил в Греции и изучал теракты 17N. Мы должны выяснить, что знает Рэйвен Слэйд, пока она не выдала это под пыткой террористам. Нью-йоркский аналитик по Ближнему

Востоку может помочь тебе вычислить фанатиков-исламистов, связанных с ними.

— Чтобы греческие православные христиане, такие, как 17N, — сказал он, — сошлись с мусульманами... Это странная парочка.

— Тогда твоя задача вынюхать, какой у них, так сказать, половой интерес.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Афины

Фэй Соьер смотрела за Рэйвен сквозь окно се-стринского поста, когда вдруг услышала выстрелы. Увидев, как новый пациент стянул с лица бинты, она заподозрила в нем члена 17N. Ну а собственную лич-ность раскрывать было еще рано.

Она быстро сняла форму и надела юбку с блуз-кой. На столе лежала открытая медицинская карта Рэйвен. Схватив ее, она выбежала через черный ход. В переулке стоял ее каштановый минивэн. Ей не со-ставит труда скрыться, но сперва она проследит за ними, чтобы узнать, куда 17N увезут Рэйвен.

Выключив фары, она объехала лечебницу сзади и остановилась вблизи главного входа. Открыла бар-дачок. Достала пистолет.

Когда черный седан отъехал, она двинулась сле-дом. Он несколько раз поворачивал, запутывая сле-ды, и наконец остановился перед неприметным зданием с комиссионным магазинчиком на первом этаже. Она припарковалась, не включая фар. Двое мужчин затащили Рэйвен в подъезд, и машина уеха-

ла. Через пару минут зажегся свет в окне второго этажа. Теперь она хотя бы знала, где будут держать девушку.

* * *

Она доехала до безлюдной местности на окраине Афин и остановилась у обочины. Достав один из одноразовых мобильников, позвонила по международной связи в Ирак.

Звонок приняли.

— Кто звонит?

Фэй узнала голос Набилы, личного секретаря генерала Риханы Хассан.

— Это майор Фатима Саид.

— Аллах акбар, — сказала Набила.

— Да славится Аллах. Соедините меня с генералом Хассан.

— Она на танковых маневрах. Я переключу вас на ее защищенный номер.

Вскоре раздался властный женский голос:

— Салям алейкум, майор.

Она представила розоволицую предводительницу в буром хиджабе, из-под которого выбивались белые пряди волос, и ее крепкую фигуру в тесной форме.

— Алейкум салям, генерал.

— Рада слышать тебя, Фатима. Приятно знать, что ты в порядке. Аллах-акбар.

«Да, Бог велик»¹, — подумала она и быстро ответила:

— *Аллах акбар.*

¹ *Yes, God is great* — слова из песни группы *Roxette* «What if God was one of us» («Что, если бы Бог был одним из нас»).

— Ты подтвердила наш союз с «17 ноября»?

— Еще нет, генерал.

Она рассказала о случившемся в лечебнице.

— Перед тем как его застрелили, Ясон Тедеску попросил свою протеже, Рэйвен, что-то процитировать ему. После этого он попытался задушить ее. Я не думаю, что нам следует входить в контакт с 17N, пока мы не узнаем, что они узнали от нее.

— Ты, похоже, встревожена. Думаешь, Тедеску соби́рал 17N, что задумал «Зубы дракона» как нашу совместную операцию?

— Я кое-что услышала из того, что Рэйвен сказала Тедеску. Если доберусь до нее раньше, чем ее убьют, то смогу узнать остальное.

— Откуда такая уверенность?

— Помните, я была «психической» медсестрой. Ее отец поставил ей диагноз «истерическое расстройство личности».

— Западные люди страдают всевозможными психическими отклонениями. Что означает это?

— В пограничном состоянии она воспринимает внешний мир как нереальный. Она чувствует, что нереальна сама, и ощущает себя как другого человека.

— Вроде внетелесного переживания?

— Да, плюс что-то вроде расщепления личности, но без амнезии.

— Я так понимаю, это внутренние состояния, Фатима. Как они проявляются?

— Самоповреждение и суицидальное поведение. Страх остаться в одиночестве часто ведет к отчаянным попыткам избежать одиночества. Таких людей изолируют обычно меньше, чем на полгода, как ши-

зофреников. Их мантра: «Ненавижу тебя. Не бросай меня».

— И как пограничное состояние связано с — как ты это назвала? — истерическим расстройством?

— Это расстройство делает ее оживленной и склонной к театральности. Она всегда должна быть в центре внимания. Крайне внушаема и обольстительна.

— Похоже, не подарок. Как ты намерена действовать?

— Отец часто гипнотизировал ее. Полагаю, он сделал это и после ее разговора с Тедеску. Предлагаю дать возможность 17N выяснить у нее насчет пророчеств по нашей операции. Если у них не получится, я заберу ее и попытаюсь сама взять под контроль.

— Отлично, Фатима. Оставайся пока в Афинах.

— Пока я еще не связалась с 17N: они нам действительно нужны?

— После того как с нами связался Тедеску, наша разведка доложила, что он внедрил греческие ячейки в трех крупных американских городах. Большинство этих людей уже далеко не молоды. Если, как ты говоришь, протеже Тедеску запомнила его пророчества относительно целей, а также нашего оружия и его применения, мы должны выяснить, что она знает.

— Согласна, генерал.

— Теперь, когда ты нашла явку, вступиай в контакт. Если 17N откажутся или не смогут вытянуть из нее информацию, постарайся любыми способами доставить ее сюда, в Ашраф. С твоей подготовкой я не сомневаюсь, что ты справишься.

— Будет сделано.

- Иншалла.
- Да, генерал, на все воля Божья.
- Салям алейкум, Фатима.
- Алейкум салям.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Афины

Вспышки яркого света не давали Рэйвен спать. Всю ночь. Каждую ночь. То и дело. Снова и снова. Сколько дней прошло? Нужно сосчитать. Свет возник внезапно, и она не успевала сориентироваться, как опять темнело. Она ослабла, ее шатало. Во рту пересохло.

Как сосчитать дни (или ночи)? Нечем делать записки на стене. Она потрогала шесть старых шрамов на животе, которые делала каждый раз, как отец сажал ее в психушку.

Вдруг прорезался свет, ослепивший ее. Показалась рука, бросившая ей фляжку. Очень вовремя. Она стала жадно пить теплую воду.

Ну, хорошо. Начиная с этого дня она будет вести календарь у себя на коже. Четыре или пять дней с тех пор, как ее похитили. Она закатала правый рукав блузки и расцарапала до крови руку в пяти местах. Запах крови убедил ее, что это не сон. Боль вернула ее в реальность.

На следующий день после того, как она выпила воду, она стала стучать в дверь.

- Выпустите меня! Я хочу писать!

Нет ответа. Она пихнула дверь.

— Я здесь набурю!

Нет ответа. Ну и черт с вами. Она стянула с себя слаксы и трусы и устроилась на корточках. Ворох одежды впитал мочу. Стянув с вешалки шарф, она подтерлась. Если хромым отец Алексия собирался убить ее, он, похоже, не спешил. Если же он хотел ее изнасиловать, чего тянуть резину? Ей нужно было не терять бдительность, чтобы выжить. Она намеревалась отбиваться от него, пока не решит, что готова расстаться с жизнью.

Щелкнул замок, и дверь открылась. Свет ослепил ее. Старик влез в шкаф со своим костылем. Он проворно раздвинул ей ноги. Она отбивалась, но он был слишком силен. Однако замешкался с молнией.

Запах собственной мочи. Уффф. К горлу подкатила тошнота. Ее вырвало ему в лицо. Он залепил ей пощечину.

— Сука! В другой раз костылем изнасилую.

— Каким концом?

— Или сперва убью тебя, а потом отымею.

— Или пришлешь сына для мужской работы.

Он ударил ее и вылез из шкафа. Она лежала, пока не заснула, чувствуя привкус рвоты.

Сколько прошло времени? Она ощупала руку. Пора делать шестую насечку. Ей хотелось облегчиться. Едва она уселась на корточки, дверь открылась.

— Боже, ну и вонища! — сказал Алексий.

— Это твой отец не пускал меня в туалет.

Он дал ей подзатыльник.

— Говори, когда спрашивают! — сказал он, после чего завязал ей глаза и повел куда-то за руку. — Иди, давай. После туалета примешь душ.

— Зачем завязывать глаза?

— Я сказал не разговаривать.

— Хороший-плохой полицейский? Думаю, ты хороший.

Он грубо усадил ее на унитаз. Без стульчака. Холодный фаянс. Когда она сходила, он поднял ее за плечи и втолкнул через занавеску в душевую. Включил воду. Холодную! И стал мыть ее.

— Получаешь удовольствие?

— Еще нет, — сказал он.

— Лучше поспеши, пока батя не опередил.

Он впихнул ее назад в шкаф и закрыл дверь. Кто-то там прибрался.

— Надень сухую одежду с вешалок.

— Это мужская.

— В темноте не видно.

— Так говорил мой отец. Если я оденусь мальчишкой, меня не станут лапать мужики вроде твоего отца.

Алексий резко закрыл дверь.

— Твой отец вышиб себе мозги, идиот, вместо того чтобы защитить тебя.

— Не оставляй меня одну.

Тишина. Она нашла на ощупь толстовку и брюки и надела их.

Сколько времени прошло? У нее в памяти всплыла сцена. Выстрел. Она смотрела со стороны на себя, смотревшую, как хлещет кровь из головы отца. Алексий выводит на стене 17N папиной кровью.

«Что значит 17N?» — спросила она. «Ты узнаешь, когда я смогу доверять тебе». — «Ты уже можешь доверять мне».

Еще один день? Или ночь? Она стала колотить в дверь.

— Я хочу есть!

Нет ответа.

Она отмечала сутки. Но течение времени? Час? Два часа?

Щелкнул замок, дверь открылась, и кто-то сунул ей в руки тарелку. Она потрогала пальцем.

— Холодная мусака? Я ненавижу даже горячую. Не буду есть это дерьмо.

Алексий сунул тарелку ей в лицо.

— Как хочешь, — сказал он. — Больше несколько дней ничего не получишь.

Он резко закрыл дверь и запер ее.

Она тихо послала его, но стерла мусаку с лица в рот. С трудом проглотила. По крайней мере, она не умрет от голода. Ее здесь заперли надолго. Но он мужчина, и он захочет увидеть ее голой, когда будет готов взять ее.

Ей нужно оставаться живой, пока она не пробудит в нем желание близости, как в «Лисистрате». Она сумеет сыграть свою роль. Она заслужит аплодисменты стоя.

И тут она услышала тонкий голос у себя в голове:

«...лучше соблазни его поскорей, сестричка. или найди уже способ убить себя...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Нью-Йорк

Дуган попросил таксиста проехать к Федеральному зданию Джейкоба К. Джевица кружным путем.

— Поехали туда, где были башни-близнецы.

— При таком движении? Сто лет будем ехать.

— Я доплачу. Хочу посмотреть.

Через двадцать пять минут такси остановилось вблизи того места, которое когда-то называлось «Всемирный торговый центр».

Фрэнк сунул руку в портфель, сквозь пластиковый пакет нащупал бейсбольный мячик. Провел пальцами по швам и сжал его.

— Окей, хватит.

Таксист повернулся к нему.

— Ты заставил меня ехать по пробкам ради пары секунд?

— Так точно. Езжай.

Через сорок минут такси остановилось у двадцативосьмиэтажного федерального здания. Он заплатил таксисту и добавил десятку.

Войдя в здание, прошел досмотр на КПП и направился через турникет к лифтам, поднимавшимся в оперативный отдел ФБР. Он вышел на двадцать шестом этаже, где располагался оперативно-командный центр.

Он проследовал в отдел внешней контрразведки и сказал беловолосой секретарше, что у него назначена встреча с новым аналитиком по ближневосточной разведке. Секретарша включила интерком.

— Агент Фрэнк Дуган прибыл, — сказала она и пояснила ему: — Третья дверь по левой стороне. Мисс Херрик ожидает вас.

Когда он подошел к двери, она автоматически открылась. Он услышал мягкий, едва ли не девичий голос:

— Входите, агент Дуган.

За столом стояла Элизабет Херрик. Привлекательная, с мягкими чертами и золотисто-каштановыми волосами до плеч. Она протянула руку и после крепкого рукопожатия предоставила ему начать разговор.

— Как вам нравится Нью-Йорк, мисс Херрик? — спросил он.

— Большинство людей зовут меня Лиз. Это мое первое назначение. Я только из Куантико¹.

— Вам понравилось стрелять по картонным людям в «Аллее Хогана»²?

— Я сдала экзамен.

— Куантико — это не Ближний Восток. Где вы учились?

— В Тегеране.

Он оторопел. Эта симпатичная молодая специалистка из Ирана? Ни малейшего акцента.

— Полагаю, вы знаете фарси.

— И арабский. Послушайте, давайте обойдемся без этой хренотени, Дуган. Мы оба охотимся за

¹ В городе Куантико, штат Виргиния, находится академия ФБР.

² Тренировочный полигон площадью 40 км² для агентов ФБР, военных и пр., имитирующий городские условия.

теми же террористами. По данным разведки, МЕК рассматривает возможность союза с 17N для операции «Зубы дракона».

— Окей, но кусаться не обязательно.

Ее смех был словно пузырьки газировки. Она включила компьютер и ввела код «Палаточник». А затем повернула монитор к нему.

Он увидел лицо в арафатке.

— Кодовое имя Палаточник, — сказала она. — Он был армейским разведчиком в Иране, служил в Стражах революции аятоллы. Теперь его завербовал работник оперативного состава ЦРУ.

— Как вы вышли на него?

— Моя мать была секретаршей в американском посольстве во время иранской революции. Палаточник вывез нас из страны до того, как посольство захватили и взяли сотрудников в заложники.

— Почему вы стали доверять ему?

Она закрыла глаза, словно вспоминая, и сказала:

— Я проснулась среди ночи и услышала, как кто-то — я подумала, это солдат из Стражей исламской революции, — читал шепотом катрен из «Рубаи»:

Глянь! Кровли в сеть лучей владыка дня поймал
И, словно царь Хосров, налил вина в бокал.
Пей, ибо возвестил нам всем глашатай утра,
Что ночь уже прошла и новый день настал. —

Омар Хайям, персидский поэт, был суннитом, его фамилия означает «палаточник». Стражи революции аятоллы — шииты. Этот страж-суннит, назвавшийся Палаточником, привел нас в Турцию.

На экране возникло изображение дюн с чахлой растительностью, снимаемое дрожащей ручной ка-

мерой. Голос прошептал: «Это лагерь «Моджахедин-э халк», Ашраф, на северо-востоке Ирака».

Камера наехала на баррикаду, оплетенную колючей проволокой. За ней виднелись женщины в оливково-сером обмундировании, стоявшие в дозоре на фоне танковых башен. Вместо традиционных женских хиджабов они носили мужские арафатки, закрывавшие голову и плечи.

Дуган усмехнулся:

— Очевидно, эти «воительницы исламского народа» щеголяют равноправием с мусульманскими мужчинами.

Ноздри мисс Херрик дрогнули, но она удержалась от колкости в ответ на его сексистскую ремарку.

— Так кто эти женщины? — спросил он.

— В прошлом они входили в студенческую группировку радикальных мусульман, помогавшую свергнуть шаха Пехлеви, которого они считали марионеткой ЦРУ. После того, как шах бежал из Ирана в Соединенные Штаты, они захватили американское посольство в Тегеране и держали заложников 444 дня. Палаточник вывез нас из страны.

— Но это было сто лет назад, при администрации Картера. Зачем им связываться с нами теперь?

— После иранской революции они устраивали демонстрации, призывая к будущему, в которое верили, — либеральный марксистско-исламский Иран. Аятолла Хомейни предал их. Муллы, получившие власть, установили в Иране религиозную теократию на основе шариата. Студенты из «Моджахедин-э халк» взбунтовались против этого. В то время у них насчитывалось 500 000 последователей, но боль-

шинство из них оказались арестованы Стражами революции аятоллы, и после пыток их казнили. Оставшиеся 4000 находятся теперь в Ашрафе, и они – единственная иранская оппозиция против власти шариата.

– И все же во время ирако-иранской войны они объединились с Саддамом. Помогали его кузену, Химическому Али, применять ядовитый газ против курдов и болотных арабов. Мужчин, женщин и детей.

Она пожала плечами.

– Они опасны, но интересны.

На экране воительницы в арафатках сменились зарослями, скрывавшими вход в туннель. Голос произнес: «Это один из нескольких туннелей, проходящих под ирако-иранской границей, через которые МЕК из Ашрафа проводит свои короткие атаки. Здесь же Саддам спрятал большую часть своего биологического оружия».

Изображение внезапно пропало, но голос Палаточника продолжал: «МЕК теперь владеет всем биологическим оружием Саддама. Изначально они планировали передать что-то из этого ячейкам «Хезболлы» в Америке. Но после их конфликта с муллами они ищут других союзников. Если их союз с 17N окажется успешным и они проведут операцию «Зубы дракона», тогда взрыв башен-близнецов покажется легкой зубной болью».

Мисс Херрик выключила монитор.

– Извините, это, наверное, задело вас. Я знаю, что случилось с вашей семьей.

– Я стараюсь жить дальше. А что, инспекторы ООН не могут найти это биологическое оружие?

— Нашли бы, если бы МЕК разрешила им обыскать их убежище, — сказала она. — Но, согласно раннему отчету от Палаточника, МЕК не позволила им войти в Ашграф.

— Когда я буду в Греции, как мне выйти на Палаточника?

— Через его вербовщика из ЦРУ, кодовое имя Харон.

— То что надо. Загробный лодочник, переправляющий души мертвых через Стикс в ад.

— Кстати, куда теперь держите путь?

— Я полечу назад в Цинциннати и загляну в офис Тедеску. Хочу узнать побольше о его прошлом, когда он работал на факультете античной культуры, где училась Рэйвен Слэйд.

— А после этого?

— В Грецию. Так кто там будет моим связным?

Она замялась.

— Согласно политике ФБР, вас нет в Греции, не считая вашего положения атташе по правовым вопросам при посольстве.

— Если я расшифрую послание Тедеску, я должен буду проглотить его вместе с капсулой цианида?

— В этом случае — и только в этом — свяжитесь со мной.

— Ваше кодовое имя?

— Кимвала.

— Необычное. Почему вы его выбрали?

— Лиз в обратном написании — зил — это кимвалы по-турецки. А ваше?

— Я всегда работал в Америке, мне не требовалось кодовое имя. Но теперь, как агенту разведки, мне оно, очевидно, понадобится, — он задумался

и улыбнулся. — В ходе операции «Зубы дракона» зовите меня Дантист.

— Как бы там ни было с ФБР, считайте меня своей пуповиной.

Он взглянул в ее голубые глаза.

— Надеюсь, Кимвала, вы ее не обрежете.

— Конечно, нет, Дантист. По крайней мере, до тех пор, пока вы живы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Афины

Когда дверь шкафа открылась, Рэйвен увидела на столе тарелку с рыбой и картошкой. В животе у нее заурчало.

Тот, кого все звали Алексей, по-прежнему в лыжной маске, отодвинул стул для нее.

— Садись. Ешь.

— С чего это ты такой добрый? Ужин перед казнью?

— Зависит от тебя.

«... выясни, чего он хочет, рэйвен... ты прекрасно умеешь вить веревки из мужчин...»

— Зачем бы ты меня ни удерживал, я хочу, чтобы ты знал, что я восхищаюсь сильными мужчинами, борющимися против тирании.

— Это то, что я хочу слышать.

Она жевала рыбу, сплевывая кости.

— А еще что ты хочешь услышать?

— Что бы ты сделала, если бы я тебя изнасиловал?

— На полный желудок? Наверное, облевала бы тебя с ног до головы, как твоего отца.

Он рассмеялся от души. Она на верном пути.

— У тебя сексуальный смех, но тебе не нужно насилловать меня. Я твоя, только скажи.

— И что ты при этом почувствуешь?

— Не узнаю, пока не увижу твое лицо.

— Я сниму маску, когда смогу доверять тебе.

— Я твоя заложница. Чем я тебе наврежу?

— Не воспринимай себя заложницей, лучше кем-то, кто может помочь угнетенным, страдающим из-за того, что американские капиталисты высасывают деньги из нашей страны, как вампиры — кровь из своих несчастных жертв.

Она задумалась на секунду.

— Так ты коммунист.

— Марксист-ленинист. Мы верим, что власть должна быть в руках народа. А не богатых паразитов и их детей. Америка — империя зла.

Она заметила, что он внимательно рассматривает ее.

«...не возражай ему...»

— В настоящее время, — сказал он, — даже наши официальные власти действуют по указке ЦРУ. Ваши газеты о многом умалчивают, потому что они подчиняются тем, кто манипулирует вашим сознанием.

— Манипулирует сознанием? Я хочу узнать об этом больше.

— ЦРУ поддерживало фашистскую хунту тирана, полковника Пападопулоса. Хуже, чем нацисты. Он держал наш народ в железных рукавицах. Он не терпел никакого инакомыслия. 17 ноября 1973 года его танки разгромили мирную студенческую демонстрацию в афинском Политехническом уни-

верситете. Были убиты тридцать однокурсников моего отца, включая и его любимую. Отец и его ближайший друг оказались в числе восьми сотен раненных.

— Твой отец? Это который с костылем?

— У него протез ноги. А до этого он бегал марафон. Виновата твоя страна.

— Я не совсем понимаю.

— Скоро ты узнаешь правду.

Ее жизнь зависела от того, поймет ли она его ненависть к американцам.

— Я слушаю.

— Когда хунту полковника свергли в следующем году, мой отец со своим близким другом, Ясоном Тедеску, сформировали 17N — в память о бойне семнадцатого ноября.

Эти слова. *17 ноября, 17N*. Что-то такое говорил мистер Тедеску, предназначенное только для них и МЕК. Может, у нее была галлюцинация?

— А как все это связано с моим отцом? Он не был политиком. Он был психиатром.

— Он лечил проамериканцев и греков. Твой отец на самом деле был лазутчиком из ЦРУ.

— Шпион? Не может быть. Он бы сказал мне. Он любил меня.

— Ты так думаешь? Тогда почему он тебя запер в сумасшедшем доме?

Она открыла рот, но слова застряли в горле. Она устала на него сквозь слезы.

— Я тебе объясню, — сказал он, глядя ее по голове. — Потому что Америка настраивает таких, как он, против своих детей, заставляет посылать сыновей и дочерей умирать на войнах против рабочих все-

го мира. Когда ты научишься видеть капиталистическую ложь, ты переродишься.

«...подыгрывай ему...»

— Научи меня.

Его голос смягчился.

— Ты не только красивая, Рэйвен, ты еще и умная.

Он стянул с головы лыжную маску. Она увидела симпатичное грубое лицо с густыми черными бровями и темными пристальными глазами. Означало ли это, что он больше не беспокоился о том, что она сможет опознать его? Помилование или смертный приговор?

— Ты собираешься убить меня?

— Нет.

Слышал ли он, как колотится ее сердце?

— Ты меня изнасилуешь?

— Нет. Я собираюсь сорвать покров с твоего сознания, чтобы ты увидела, что жила во лжи.

— Объясни мне.

— На сегодня хватит.

Она встала и пошла в сторону шкафа, но он ее остановил.

— Есть одна пустая комната с маленьким окном, ты можешь спать там. Я принесу матрас, чтобы было удобно.

— Я ценю твою доброту, — сказала она, погладив его по руке.

Как только он вышел из кухни, ей захотелось попробовать входную дверь. Но лучше этого было не делать. Он точно услышит, как она крутит ручку. Она должна пробудить в нем желание секса. Чтобы умаслить его, она убрала со стола и вымыла тарелки.

Вернувшись с матрасом и увидев ее у раковины, он улыбнулся.

— У тебя есть постоянная работа? — спросила она.

— Я экскурсовод. Показываю тупым туристам руины и рассказываю истории о нашем золотом веке.

— Ты сказал, что выучил английский в Америке. Как это?

— Я был там по студенческому обмену, в Детройте, три года.

— Что ж, вряд ли Америка такая уж плохая, если молодые люди из разных стран хотят поехать туда учиться.

Он бросил матрас на пол.

— Дура! Америка это делает, чтобы обмануть остальной мир насчет своих реальных целей — доминировать над всеми путем распространения своих упаднических идей.

Он схватил ее за плечи и втолкнул обратно в шкаф.

— Ты сказал, я могу спать в комнате с окном.

— Когда будешь готова увидеть свет.

Она не очень поняла его, но решила больше не провоцировать.

— Я сожалею. Я ничего такого не хотела сказать. Дай мне еще один шанс.

Он резко захлопнул дверь и закрыл на замок.

— Посмотрим.

Чтобы остаться в живых, она должна заставить его думать о себе больше, чем о политике. Она должна заставить его хотеть ее. Утром она начнет заново. Она отметит завтрашний день у себя на коже. Царапая седьмую метку, она прикусила язык, чтобы не закричать от боли. Слава богу, что есть боль.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Уэйбридж, Огайо

Фрэнк Дуган сдерживал свой «Мазерати» до позорного предела скорости в тридцать пять миль. Жалкая двухполоска. Он не мог поверить, что дорога от аэропорта Цинциннати до Уэйбриджа займет час и сорок пять минут.

С эстакады он увидел готическую башню викторианского поместья на скале. Согласно досье, там одно время содержалась Рэйвен Слэйд. Возможно, ему стоит обследовать это место перед тем, как ехать в университет. Свернув влево, на круто взбежавшую вверх щебеночную дорогу, он проехал через ржавые ворота, снятые с петель. Но окна и двери были заколочены. Он не знал, что эту лечебницу закрыли.

С чего он вообще решил заглянуть в этот дурдом на горе? Может, он нутром почуял, что сможет найти ответы в его коридорах и палатах с войлочными стенами? Что ж, сперва он проверит бумаги Тедеску на предмет возможных подсказок к его зашифрованным пророчествам.

Когда он спускался с горы, зазвонил его засекреченный мобильник.

— Да?

— Дантист, это Кимвала.

— Уже? Я все еще в Огайо.

— Сигнал от Харона с Крита. Он сообщает, что перед тем, как Слэйд застрелился, он звонил из афинской лечебницы. Последнее, что он сказал: «Моя дочь знает».

— Что знает?

— Харон слышал выстрел, затем булькающий звук, и телефон Слэйда смолк. Согласно греческой полиции, тогда же 17N похитили его дочь.

— Я направляюсь в университет, чтобы проверить бумаги Тедеску. Может, я смогу выяснить, что знала Рэйвен.

— Удачи.

И телефон смолк.

Он подъехал к кампусу и нарезал круги, пока не нашел Колледж свободных искусств. Ему повезло найти парковочное место вблизи Лордон-холла. Заглянув в справочник, он выяснил номер кабинета Тедеску: 132-А. К двери была приколата записка.

Мистер Тедеску в Греции читает доклад на ежегодном съезде специалистов по античной филологии. Лекции и конференции отменяются на две недели. Оставляйте курсовые работы и отчеты об исследованиях у его помощницы, мисс Салинас.

Едва он пробежал это глазами, как открылась соседняя дверь и вышла, едва не задев его, студентка с хвостиком, в форменной юбке болельщицы. Она сняла с двери Тедеску записку и приколола другую.

Лекции по КЛАССИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И МИФОЛОГИИ отменяются до конца семестра. За информацией обращайтесь к помощнице, мисс Салинас.

Значит, новость о смерти Тедеску наконец достигла факультета.

— Я ищу помощницу мистера Тедеску, — сказал он.

Она обернулась, но вместо молодой студентки он увидел женщину средних лет. Кожа лица туго натянута, словно после пластической хирургии, отчего ее голова треугольной формы напоминала череп. Глаза покраснели. Скрещенные руки были словно кости под черепом на этикетке с ядом.

— Я мисс Салинас. Что вам нужно?

— Я из ФБР, мисс Салинас. Мне нужна минута вашего времени.

— О боже! Декан только сказал мне, что Ясон погиб в Афинах. Вы знаете, что случилось?

— Я бы хотел увидеть его кабинет.

Она огляделась, словно пытаясь понять, правильно ли поступает, затем достала из кармана кольцо с ключами и стала нервозно искать нужный. Открыв кабинет 132-А, она пригласила его войти.

Он оглядел помещение. На столе ничего, кроме бронзового бюста Зевса. На правой стене висел большой портрет пожилого человека в магистерской шапочке и мантии.

— Это Ясон Тедеску?

Она достала платок из кармана и смахнула пыль с позолоченной рамы.

— Да.

Он подошел к большому шкафу для бумаг у стены и попробовал выдвинуть ящик. Тот оказался заперт. Он указал на кольцо с ключами у нее в руке.

— Откройте ящик, пожалуйста.

— Там пусто.

— Почему же?

— Перед отъездом в Грецию Ясон передал все свои бумаги и личные рукописи в библиотеку.

— Я хотел бы убедиться лично.

Она стала перебирать ключи, пока не нашла нужный. Вставив его в замок, она открыла ящички. Она была права. Везде было пусто.

— Нам не сказали, как он умер, — сказала она.

— Насколько хорошо вы его знали?

— Я перевелась с Ясоном из чикагского университета, когда он получил место здесь.

— А ваши обязанности?

— Как помощница, я иногда вела занятия с его студентами. Помогала в исследованиях, готовила материалы для экзаменов, организовывала встречи со студентами.

— У него были любимчики?

Она уставилась в пустоту.

— Единственной, кого он действительно приблизил к себе, была дочь доктора Слэйда, Рэйвен.

— Приблизил?

— Она училась у него на курсе античной филологии. Кроме того, он был директором драмкружка на актерском факультете. Я видела все ее выступления, — в ее голосе обозначилось напряжение. — Она потрясающая актриса.

— А конкретнее?

— Когда она выходила на сцену, другие актеры казались просто зубрилами. Она с головой погружалась в каждую роль и, казалось, действительно превращалась в свою героиню. Словно вовсе не играла...

— Звучит впечатляюще.

— Даже вне сцены, на читках и репетициях она всегда была в центре внимания. Она как будто озаряла комнату и была такой, — она замялась, — *обольстительной*.

- А когда она была не в центре внимания?
- Она становилась замкнутой, как будто в депрессии.
- И вы говорите, Ясон Тедеску учил ее?
- Лицо, похожее на череп, отвернулось.
- Скорее, направлял. Пока у нее не случился срыв и отец не забрал ее из колледжа.
- Вы это видели?
- О да. Я поняла, что что-то не так, на первой репетиции «Лисистраты». После того как Рэйвен забралась на второй ярус и обратилась к женщинам, изнемогавшим без мужчин, с призывом объявить им сексуальный бойкот, она побледнела и потеряла сознание. Джейсон, то есть, мистер Тедеску, отнес ее в свой кабинет на совещание. Это был последний раз, когда Джейсон или я видели ее, до того, как ее отца перевели в Афины.
- А мистер Тедеску когда-нибудь упоминал, почему он вообще покинул Грецию?
- В молодости он был старостой в афинском политехе, пока солдаты хунты не устроили там бойню. Его ранили в голову, и он приехал в Америку на лечение. Пока он был здесь, он получил студенческую визу для продолжения своих исследований.
- Он много путешествовал?
- Да. По всей стране, читал лекции, навещал греческие сообщества. Он собирал материал для своей книги «Греки в Америке».
- «А еще, похоже, внедрил свои спящие ячейки».
- Он решил пойти ва-банк.
- Возможно, вам станет легче, если я скажу, что Рэйвен была рядом с ним, когда он умер в Афинах.

В ее пустом взгляде ничего не изменилось.

— Как это возможно?

— Девушка была в афинской лечебнице, когда он потерял сознание во время лекции, и коллега привез его туда же. Он пытался задушить ее. Его застрелили террористы при нападении.

Ее лицо было словно маска, но она снова скрестила свои костлявые руки.

— Он был как дельфийский оракул. А к ней всегда относился, словно *она* была его верховной жрицей.

Агент Дуган расслышал нотки ревности.

— Спасибо, что уделили мне время, мисс Салинас. Я пойду в библиотеку, взгляну на его бумаги.

— Это невозможно, агент Дуган.

— Почему же?

— Мистер Тедеску назначил меня распоряжаться его архивом. Согласно его пожеланию, чтобы обеспечить криптографическую цельность пророчеств, я отослала их в архивы Национальной библиотеки Греции, в Афинах.

— Что ж, я сам направляюсь туда. Взгляну заодно.

Она застыла.

— Согласно его пожеланию, я сделала распоряжение, чтобы его бумаги оставались запечатанными в течение десяти лет. После чего их смогут просматривать только филологи и историки.

Задумавшись об этом, он прислонился к одному из пустых картотечных шкафов. Шкаф отклонился, и Дуган заметил показавшийся край бумаги. Он поднял скомканный лист и разгладил его. «ОПЕРАЦИЯ «ЗУБЫ ДРАКОНА», гласило заглавие, под ним стоя-

ло слово «ЧТО», а дальше две строчки, написанные от руки. Слова были вычеркнуты и многократно переправлены. Он прочитал их вслух:

— *Семена Медленной Смерти в наших Норах... Мы покараем Крестоносцев. Иншалла...* Вам это ни о чем...

Она вдруг сдвинулась с места, и он поднял взгляд. Бронзовый бюст Зевса взлетел в ее руках. Ее глаза горели дикой злобой. Он попытался отразить удар.

Не успел. Взрыв боли. Все поплыло. Размылось. И потемнело...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Афины

Доктор Мартин Кайл смиренно принимал овации, стоя после своей лекции в академии Греческой национальной библиотеки. Поглаживая свою бородку клинышком, он вышел из-за подиума к столу и стал подписывать свою последнюю книгу, «Юнгианский анализ культов, несущих смерть».

Когда холл почти опустел, он откинулся на спинку стула и ослабил галстук. К нему приблизились трое: пожилой человек с черной повязкой на правом глазу в сопровождении двух греческих полицейских.

— Доктор Кайл, я капитан полиции Гектор Элиаде из оперативной группы по борьбе с терроризмом, — его глубокий голос разносился эхом в почти пустой аудитории. — Мне понравилась ваша лекция. А теперь я буду признателен, если вы ответите на несколько вопросов.

— О чем?

— Насколько хорошо вы знали Ясона Тедеску?

— Мы оба преподаем в Уэйбриджском университете, в Огайо. Я отвез его в больницу на прошлой неделе. А в чем дело?

— Это я задаю вопросы, доктор Кайл. Почему вы отвезли его в психиатрическую лечебницу?

— Он меня попросил. Она ближе всего к академии. Сразу после выступления по древнегреческим и римским загадкам у него случился приступ. Как у него дела?

— О каких греческих загадках он говорил?

— Древних. Он рассказывал, как умер Гомер, не сумев разгадать загадку юных рыбаков.

— Что Тедеску говорил об этом?

— Что Гомер отправился к дельфийскому оракулу в храм Аполлона, чтобы выяснить, где он родился. Пророчица сказала ему, что дом его матери на острове Иос. И добавила: «Остерегайся детей, загадывающих загадки».

— Да, доктор Кайл, продолжайте.

— Пожилой Гомер отправился на Иос. Там на берегу к нему подошли два мальчишки, ловивших рыбу. Он спросил, что они поймали. Один из них ответил: «Что мы поймали, мы выбросили, а чего не поймали, оставили у себя». Тогда Гомер вспомнил предостережение оракула о детях, загадывающих загадки. Не сумев решить загадку этих мальчишек, он умер от сердечного приступа.

— Тедеску сказал слушателям отгадку?

— Нет, как ни странно. Как раз тогда у него случился приступ и он потерял сознание на кафедре.

— Что вы можете сказать о его связи с марксистской террористической группой «17 ноября»?

Доктор Кайл поправил галстук.

— Мне об этом ничего не известно.

— Вы читаете лекции о культурах, несущих смерть, а он — о смертоносных загадках. Он когда-нибудь упоминал 17N? Или МЕК?

— К чему все эти вопросы?

— Его застрелили в лечебнице.

— О господи! Я не понимаю. Какие у него дела с 17N?

— Это мы и пытаемся выяснить. У нас есть основания считать, что он пытался задушить дочь помощника директора перед тем, как ее похитили.

— Какое все это имеет ко мне отношение?

— Согласно биографической справке в вашей книге, вы специалист по тайным обществам. Ваш веб-сайт сообщает, что вы изучали не только греческую мифологию и фольклор, но также арабские и персидские тайные религиозные практики.

— Я это использую как базовый материал, но это не основная моя специализация. Я юнгианский психоаналитик.

— Как долго вы планируете оставаться в Греции?

— Учитывая мой график, я собираюсь посетить несколько греческих островов и Кипр в ближайшие три недели. А затем вернусь в Афины и присоединюсь к туристической группе, вылетающей в Огайо.

— Вы когда-нибудь бывали в Тегеране или Багдаде?

Он вытер губы тыльной стороной ладони. Какое отношение его текущие греческие штудии могли иметь к Ирану или Ираку?

— В прошлом я изучал исламские культы, но я не понимаю...

— Вам знакомы иранские исламисты-марксисты «Моджахедин-э халк», более известные как МЕК?

— Студенческие лидеры из их рядов помогали захватить американское посольство в Тегеране.

— А что сейчас? Они представляют собой культ или нет? Они все так же слепо следуют за своими лидерами, презирая смерть?

— По словам выходцев из этой группы, их возглавляют главным образом женщины. Причем замужних заставляют развестись. И детей у них забирают. МЕК практикует абсолютный целибат. Когда их предводительница, Мирьям Раждави, попала в тюрьму во время своей парижской эмиграции, несколько ее последовательниц сожгли себя заживо. Они исламо-марксистские террористы антиамериканской направленности. Многие, покинувшие МЕК, называют организацию культом. Почему вас так интересует эта группа?

— Мы получили разведанные, что они могут формировать союз с нашими греческими террористами-марксистами из 17N. Мы полагаем, что нападение на афинскую лечебницу было только началом.

— Но как с этим связан Ясон Тедеску?

Элиаде потрогал пальцем щеку.

— Когда-то давно он был в числе тех студентов, что протестовали против хунты Пападопулоса в Политехе, и его ранили в ходе разгрома. Мы полагаем, что он внедрял террористические ячейки 17N в Америке.

— Мне трудно представить союз между греческими ортодоксами 17N и исламистами МЕК.

Кайл стал собирать свои лекционные заметки, и несколько страниц упали на пол. Он подхватил их и, засунув в портфель, сказал:

— Мусульмане и православные греки ненавидели друг друга и воевали еще до крестовых походов. С чего бы МЕК вступать в союз со своим давним врагом?

Элиаде пожал плечами.

— В последнее время многие телеэксперты вспоминают старую поговорку: «Враг моего врага — мой друг».

— Но немногие знают, что это древнеарабское изречение.

— Учитывая ваши знания в этой сфере, можем ли мы рассчитывать на ваше дальнейшее сотрудничество до того, как вы покинете Грецию?

— Конечно. Пожалуйста, обращайтесь в любое...

Капитан Элиаде с полицейскими пошел к выходу.

— Желаю вам хорошего, мирного отдыха в Греции. Но я вам советую также остерегаться греческих загадок. Многие греки нашли ответ на загадку гомеровских мальчишек.

— И что же это?

Элиаде ответил, не оборачиваясь, и его голос разнесся эхом по пустому помещению:

— Вши.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Рэйвен стала пинать дверь шкафа. Если она не ошиблась в подсчетах, ее держали заложницей уже девятый день.

— Мне надо в туалет.

Она услышала движение, ключ, открывающий шкаф. Утренний свет ослепил ее. Алексей улыбался.

— Ты знаешь, куда идти.

От его улыбки ей полегчало. Она была рада, что он не пошел за ней. Перед тем, как выйти из ванной, она проверила окно. Заколочено гвоздями.

Когда она вышла и направилась к шкафу, он ее остановил:

— Присядь. Выпей со мной кофе с питой.

Он поставил на стол две кружки с горячим кофе и тарелку теплого хлеба. Оторвав кусок лепешки, макнул его в кофе. Она сделала так же.

— А теперь мы продолжим наш разговор.

Она сложила руки на столе, точно послушная школьница.

— Да, Алексей. Все, что скажешь.

— Хорошая девочка.

«...может, он тебе вручит главный приз за послушание...»

— Какая нация — империя зла?

Каких слов он ожидает от нее? Каких убеждений?

— Америка.

— Почему твой отец запер тебя в афинской психушке?

«...какой ответ его устроит?..»

— Хочешь, скажу? — продолжил он.

— Да.

— Потому что он трогал тебя, когда ты была маленькой девочкой, и ты, вероятно, начала вспоминать это.

Она кивнула:

— Он...

«...закрой рот, рэйвен...»

— И никому нет дела, что с тобой происходит.

— Откуда ты знаешь?

— Я тебе докажу.

Он вышел из кухни и вернулся через пару минут с ноутбуком. Подвигал мышью.

— Я открываю поисковик.

— Поисковик?

Она, разумеется, знала, что это такое, но была согласна с сестрой, что лучше включить тупую блондинку.

— Это чтобы искать статьи в газетах отовсюду за любую конкретную дату.

«... пусть ему захочется показать свой ум. мужчинам это нравится...»

— Поразительно! А что ты собираешься искать?

— Газетные статьи за тот день, когда мы освободили лечебницу. Давай посмотрим, есть ли кому дело до тебя настолько, чтобы упомянуть о твоём положении.

У нее по телу пробежал холодок.

— Конечно, будут какие-то упоминания. Это же новости.

Он напечатал «Рэйвен Слэйд».

— Ты с нами уже сколько?

Она ощупала под столом шрамы у себя на руке.

— Сегодня девятый день.

— Рядом с твоим именем я добавлю соответствующие даты. Вот тебе газеты. «Нью-Йорк таймс», «Дейли ньюс», «Интернэшнл Хералд Трибюн». Видишь? Ни слова. Если бы им было дело до тебя, ты была бы в новостях.

Ей вдруг стало страшно.

— Проверь местные газеты.